

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»
Факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра теории и практики журналистики

Военные очерки Георгия Гребенщикова в газете «Русские ведомости»
выпускная квалификационная работа
(бакалаврская работа)

Выполнила студентка
4 курса, группы 848
Астанкова Юлия Валерьевна

_____
(подпись)

Научный руководитель,
кандидат филол. наук,
доцент
Мансков Сергей Анатольевич

_____
(подпись)

Допустить к защите
зав. кафедрой
Лукашевич Елена Васильевна

_____
(подпись)

« _____ » _____ 2018 г.

Выпускная
квалификационная
работа защищена
« ____ » _____ 2018 г.

Оценка _____

Председатель ГЭК
Пашаева Ольга Александровна

_____
(подпись)

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	9
1.1 Корреспонденция военного периода 1914-1918 гг.....	9
1.2 Г.Д. Гребенщиков – корреспондент газеты «Русские ведомости»..	17
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ В ВОЕННЫХ ОЧЕРКАХ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА	31
2.1 Бинарность в военной корреспонденции Г. Гребенщикова	34
2.2 Гребенщиков как журналист – этнограф.....	44
2.3 Стихийное начало войны в очерках писателя.....	52
2.4 Звуковые картины в изображении Г. Гребенщикова	57
Заключение	62
Список использованной литературы	64

Введение

Забытый русский классик, писатель, журналист Георгий Гребенщиков был незаслуженно забыт на несколько долгих десятилетий из-за вынужденной эмиграции в период гражданской войны.

Но на рубеже веков архивы Георгия Дмитриевича стали возвращаться из Америки в Россию и активно издаваться. Первые публикации на Родине, незначительное количество научной рефлексии о «забытом классике» сформировали **актуальность** исследования.

Г.Д. Гребенщиков – последователь первых сибирских интеллигентов – областников. Идеи независимости Сибири, впервые прозвучавшая в творчестве известных сибирских патриотов рубежа XIX-XX веков Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина активно обсуждаются и сегодня. Конечно, касаясь этого общественно-политического движения существуют разные мнения. Однако из истории Сибири известно, что во многом благодаря именно ему стало возможным такое явление как «сибирская литература».

Как отмечал исследователь В.П. Трушкин, «приход в большую литературу» писателей-сибиряков – одна из характерных особенностей общерусского литературного процесса предоктябрьской поры, положившего начало последующих этапов. А идейным флагманом нового явления стали называть принцип беззаветного служения своей малой родине [Трушкин 1972, с. 127].

Эту идею последовательно реализовывал в своём творчестве и Георгий Дмитриевич Гребенщиков, видный русский сибирский писатель, представитель, а, по мнению целого ряда исследователей, и лидер «Молодой литературы Сибири».

Творчество его изучено до сих пор недостаточно, и произведения Гребенщикова, в связи с эмиграцией в 1920 году из страны, неизвестны широкому кругу читателей. С 1920 года, если не считать небольшой заметки о Н.К. Рерихе, напечатанной в «Сибирских огнях» в 1924 году, в России после Октябрьской революции было издано только два сборника Г.Д. Гребенщикова.

В историю русской и сибирской литературы он вошел как талантливый писатель, одним из первых открывший российскому читателю величие и красоту сибирской природы, самобытность населяющих её народностей, опоэтизировавший труд сибирского крестьянина, а также как один из организаторов газетного дела в Сибири.

Военная журналистика Г.Д. Гребенщикова периода сотрудничества с газетой «Русские ведомости» (1916-1917 гг.) ранний этап публицистической деятельности в годы Первой мировой войны и одна из интереснейших страниц его творческой биографии. Это судьбоносный этап в его жизни, где кроются причины последующих событий, в которых нашел применение большой творческий опыт, накопленный к тому времени Г.Д. Гребенщиковым.

Специальных исследований в области военной журналистики писателя не велось: журналистский опыт Гребенщикова традиционно рассматривался в контексте его литературной деятельности. И таким образом, вне поля зрения оставались немаловажные моменты как творческого, так и биографического планов.

Как следствие, - на стыке между несоизмеримо более полно изученным литературно-художественным наследием Г.Д. Гребенщикова и наследием Г.Д. Гребенщикова – публициста возникали

большие пробелы, для заполнения которых как ранее, так и сейчас прилагается немало усилий исследователей.

Противоречивы сведения, которые приводятся в исследованиях советских литературоведов. Это относится, например, к проблеме отношения писателя к войне 1914 года. Исследователь Н.Н. Яновский настаивает на том, что «рассказы и зарисовки, помеченные 1914-1916 гг., если касаются тем войны, непременно с антивоенными мотивами и настроениями» [Яновский 1984, с. 160]. В то время как писатель и критик В.П. Трушкин однозначно осуждает писателя за его «провоенные настроения», обосновывая это тем, что Г.Д. Гребенщиков публиковал «сусальные заметки об отечески любовном отношении офицеров к солдатам, их идиллическом единении» [Трушкин 1972, с. 24, 25].

Ранее вызывали противоречия временные рамки сотрудничества писателя с газетой (1916-1918 гг.). Несмотря на то, что Н.Н. Яновский утверждал, что Г.Д. Гребенщиков «активно печатался в газете вплоть до закрытия ее Советами в 1918 году» [Яновский 1978, с. 98], ни в одном исследовании посвященных творчеству писателя, нет ссылок на статьи, которые были бы помечены 1918 годом. Тогда вполне закономерно возникал вопрос – не прекратил ли Г.Д. Гребенщиков сотрудничество с газетой ранее.

Долгое время не было установлено и точное количество публикаций. Литературоведы лишь отмечали что, «рассказы, зарисовки, корреспонденции с почти постоянными подзаголовками «Из страничек военного быта» или «Из писем с фронта». Подобные неточности и пробелы не имели принципиального значения в контексте литературно-художественного творчества писателя, однако, наслаиваясь одна на другую, значительно искажали общую картину творческой биографии Г.Д. Гребенщикова.

Поэтому, прежде чем приступить к исследованию непосредственно цикла «Странички военного быта», было важно систематизировать и обобщить имеющиеся сведения. Это нашло отражение в данной работе. Одной из отправной точек исследования стала коллективная статья ученых Алтайского государственного университета «Военная публицистика Георгия Гребенщикова в «Жизни Алтая» в 1916 году».

Цель исследования: изучить особенности и специфику военной корреспонденции Г.Д. Гребенщикова.

Задачи исследования:

1. Восстановить биографический код сотрудничества писателя с газетой «Русские ведомости».
2. Определить место и роль Г.Д. Гребенщикова в контексте военной журналистики периода Первой мировой войны.
3. Исследовать проявления бинарности в очерках писателя.
4. Описать журналистское творчество Г.Д. Гребенщикова как журналиста-этнографа.
5. Выявить место стихийного начала в военных очерках.
6. Систематизировать звуковые образы, использованные автором.

Первая глава исследования посвящена обзору корреспонденции Первой мировой войны в общем и материалам Г.Д. Гребенщикова по этой теме.

Во второй главе рассматриваются очерки цикла «Странички военного быта» с целью выявить основные идейно-художественные принципы и приёмы данных произведений.

Объект изучения — цикл писателя «Странички военного быта», наиболее значительная часть его газетных публикаций в газете «Русские ведомости».

Предмет – особенности военных корреспонденций периода работы в «Русских ведомостях».

Эмпирическую базу выпускного квалификационного сочинения составили следующие очерки:

1. **«Прощеное воскресенье»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 17 марта, №63. Печатается по этому изданию.
2. **«Охвостье»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 1 апреля, №75. Печатается по этому изданию.
3. **«Зазуленька»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 9 апреля, №82. Печатается по этому изданию.
4. **«В солнечный день»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 7 мая, №105
5. **«Братская могила»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 10 мая, №107, печатается по этому изданию.
6. **«Весенний мотив»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 18 мая, №140.
7. **«Каркаралинский мещанин»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 25 июня, №146.
8. **«Погулянка и червонка»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 16 сентября, №213. Печатается по этому изданию.
9. **«В одном купе»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 1 ноября, №252. Печатается по этому изданию.
10. **«Наши будни»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916. 16 ноября, №265. Печатается по этому изданию.
11. **«В ползучем ельнике»** (Странички военного быта) Впервые: «Русские ведомости». 1916, 26 декабря, №298. Печатается по этому изданию.

Эмпирическая база составлялась на материалах личного фонда Г.Д. Гребенщикова в архиве Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая.

В работе используются традиционные **методы** анализа и синтеза, во второй главе активно используется структурно-семиотический метод.

Методология исследования формализовалась на монографических исследованиях Ю.М. Лотмана, В.Н.Топорова, С.Г. Корконосенко, Л.Г. Свитич.

Материалы выпускной квалификационной работы могут быть использованы в рамках исследования наследия Г.Д. Гребенщикова как писателя и публициста.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1.1 Корреспонденция военного периода 1914-1918 гг.

Первая мировая война - одно из самых масштабных вооруженных конфликтов в истории человечества, начавшееся в июле 1914 года. Война поставила перед российским обществом ряд сложных вопросов. Всеобщий патриотический подъем, который охватил Россию в первые месяцы войны, достаточно скоро утих. Командование на фронтах действовало слабо, войска терпели поражения, и положение в тылу также было не менее тяжелым.

Для журналистики начало XX века война считается одним из самых тяжелых периодов её развития. Но при этом, роль средств массовой информации в Первой мировой войне существенно возросла среди населения. На протяжении всей войны *«пресса путем информации о военных событиях и определенного освещения фактов формировала определенные взгляды и мнения, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям. Она содействовала формированию благоприятного общественного мнения в союзных и нейтральных странах и вносила разложение в ряды противника»* [Сенявская 2011, www].

В день объявления войны были созданы экстренные выпуски газет и листовки с сообщениями. И эта тема мгновенно, буквально на следующий день вытеснила со страниц газет все другие темы. Сообщения с фронта, о ходе мобилизации и проходах новобранцев, статьями, направленными против немцев или пропагандирующими цели войны, отодвинули в сторону происшествия и объявления, которые раньше занимали большую часть объёма газеты. В

большинстве изданий даже создали новые разделы или рубрики – «Война» «Военные известия» и другие. Вкупе с информацией с фронтов и из-за границы публиковались крупные статьи и корреспонденции, посвящавшиеся событиям в тылу, фактам военной истории, положению в странах союзников и врагов.

В период Первой мировой войны сеть военных корреспондентов действовала по всему миру. Что касается России, здесь до начала войны происходили дискуссии о свободе слова и печати, шла борьба с цензурой. Эти споры были и на страницах периодики, и на различных форумах, и в Государственной Думе. На следующий день после начала войны было подписано «Временное положение о военной цензуре». Позднее, в январе 1915 г. был обнародован «Перечень» сведений, которые запрещалось помещать в печати по военным соображениям. Он предполагал, что военная цензура должна быть установлена в «полном объеме» в местах военных действий и «частично» — вне их. Военная цензура быстро становится всеобъемлющей, включая в себя и политическую цензуру.

Накануне войны военная печать имела строгую структуру, значительная часть которой сохранилась и в годы войны. Центральным органом военного министерства были военно-научный журнал «Военный сборник» (1858—1917) и газета «Русский инвалид» (1862—1917). Далее шли издания штабов военных округов и казачьих войск: «Виленский военный листок» (штаб Виленского военного округа, 1906—1915), «Туркестанская военная газета» (штаб Туркестанского военного округа, 1906—1915), «Варшавский военный вестник» (штаб Варшавского военного округа, 1906—1914), «Дальний Восток» (штаб Иркутского военного округа, 1913—1914), «Донские войсковые ведомости» (1849—1917), «Кубанские войсковые ведомости» (1863—1917), «Уральские войсковые ведомости» (1867—1917) и др.

В начале военных действий русская пресса стала терять статус, её деятельность не удовлетворяла даже собственных корреспондентов. В.С. Мельгунов — многолетний автор провинциального отдела газеты «Русские ведомости» в докладе для общества деятелей периодической печати (позже он был опубликован под заголовком «О современных литературных нравах»), говорил: *«Наша печать за самым малым исключением повинна в тяжком грехе распространения тенденциозных сведений, нервующих русское общество, культивирующих напряжённую атмосферу шовинистической вражды, при которой теряется самообладание и способность критически относиться к окружающим явлениям»*. И дальше: *«Война оказала разлагающее влияние на значительную часть нашей печати — она лишила её морального авторитета»* [Мельгунов 1916, с. 8].

Военный корреспондент как профессия появилась в XIX веке, благодаря стремительному развитию технологий и Великой Французской Революции. Первая страна, проявившая себя в военной журналистике - Великобритания. В 1808 году английская газета «The Times» отправила своего сотрудника Генри Робинсона в Испанию для осведомления английского общества об истинном ходе войны французов с испанцами. Исследователь Н. Иолве отмечает, корреспонденции Робинсона читались в Англии с необычайным интересом, и сообщения о патриотизме испанцев вдохновляли англичан в борьбе с Францией [Иолве 2015, www].

Действительно ли присутствие журналистов было необходимо на театре военных действий? Положительный ответ на этот вопрос смогли дать заинтересованность общества в том, что делается на той или иной войне, способность СМИ объединить народ и армию в период вооружённой борьбы.

В России Первая мировая война характеризуется пропагандистскими материалами, считает журналист А. Юрлова. Так как пресса - мощный инструмент воздействия на население, политические партии стали выпускать свои издания, на страницах которых публиковались статьи, пропагандирующие их позицию. В годы войны легальные большевистские издания были закрыты, поскольку в них печатались призывы к прекращению войны и скорейшему миру с Германией. Ведущим органом марксистов в то время стал «Социал-демократ», выпускавшийся за границей [Юрлова 2016, www].

Русская пресса оказалась в тяжелом положении. Официальных новостей, получаемых с фронта, было крайне мало, а послать собственных корреспондентов в эпицентр военных действий поначалу никто не мог, поскольку в конце июля 1914 года начальникам штабов в войска поступила телеграмма о том, что «корреспонденты в армию допущены не будут», поясняет А. Юрлова. Применялись все меры для того, чтобы максимально фильтровать и ограничивать военную информацию. Хотя такие газеты как «Русские ведомости», «Новое Время», «Русское слово» неоднократно пытались отправить своих журналистов на фронт в качестве корреспондентов [Юрлова 2016, www].

Тем не менее, в 1914 году нескольким представителям российской прессы была предоставлена возможность посетить армию Российской империи. Это позволило журналистам описать достоверное положение дел на фронте, и, кроме того, положило начало созданию Бюро печати. Оперативные сведения Бюро предоставляло ограниченному кругу изданий, поэтому оно не имело права считаться централизованным органом по сбору информации. Военным корреспондентам

разрешалось пользоваться фотоаппаратами. Кроме корреспондентов на театр военных действий допускались три русских военных фотографа, утверждаемых начальником Генштаба, добавляет А. Юрлова. Фотографам разрешалось лишь помещать под иллюстрациями краткие подписи, подготовка же текстовых публикаций была запрещена [Юрлова 2016, www].

Военные корреспонденты и фотографы утверждались в этих званиях после подписки о том, что они обязуются беспрекословно подчиняться всем требованиям. Утвержденные в своем звании военные корреспонденты и фотографы получали от Главного управления Генерального штаба специальные удостоверения и нарукавные повязки. Их необходимо было носить в тех районах, в которых действовало «Положение о полевом управлении войск». Список военных корреспондентов и военных фотографов опубликовывался для всеобщего сведения, здесь указывались: фамилия, имя, отчество военного корреспондента (фотографа); номер его нарукавной повязки, представителем какого издания он является; время отправления корреспондента (фотографа) на фронт, а также к кому он должен явиться по прибытии, поясняет историк Д. Гужва. Обязательным условием для военного корреспондента было, чтобы он являлся подданным государства, в котором издавалось представляемое им издание. Военным фотографом же мог быть только русский подданный [Гужва 2014, с. 40].

Многие из русских журналистов хотели получить звание военных корреспондентов и удовлетворяли самыми строгим требованиям к их политическому прошлому и настоящему, такой чести были удостоены лишь единицы.

Некоторые периодические издания, публиковавшие материалы о войне в период с 1914-1918 гг. Стоит отметить, что пик публикаций приходится на 1916 год, наибольшее количество статей вышло именно тогда, а журналистами стали известные литераторы (А. Белый, А.Н. Толстой, В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус и другие).

1. **«Биржевые ведомости».** *А. Белый:* «Гремящая тишина», «Горизонты сознания», «Кризис жизни», «Природа», «У немецкой границы», «Современные немцы», «О злободневном и вечном», «Восток или Запад?», «Мертвые города», «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии». *З.Н. Гиппиус:* «Сердце, отдохни!».

2. **«Вестник Европы».** *И.В. Жилкин:* «Провинциальное обозрение. Война и настроение страны». *В.Д. Кузьмин-Караваев:* «Вопросы внутренней жизни. Владимир Соловьев и оправдание войны». *К.К. Арсеньев:* «Хроника. На темы дня». *Л. З. Слонимский:* «Что нужно было Германии?»

3. **«Киевская мысль».** *А.Н. Толстой:* «Впечатления», «На полях минувших битв», «Наташа. Рассказ».

4. **«Новая жизнь».** *В.Я. Брюсов:* «Вечером в дороге».

5. **«Русская мысль».** *В.Я. Брюсов:* «Война вне Европы», «Баллада о любви и смерти», «Песни ашугов». *Ф.К. Сологуб:* «Когда меня ты грозно гонишь», «За оградой гасли маки». *С.И. Рапопорт:* «Мистический империализм».

6. **«Современный мир».** *Н.А. Рожков:* «100 лет назад и теперь», *Л.Н. Клейнборг:* «Мобилизация общественных сил».

7. **«Северный гуслиар».**

8. **«Голос жизни».**

9. **«Летопись».**

10. **«Новая жизнь».**

Помимо некоторых приведенных данных из периодики, можно отметить произведения этого периода, написанные известными литераторами, ставшими тогда журналистами. Как писал о войне А. Белый:

«Я на днях постоял в десяти шагах от Германии. Я смотрел на открытую жизнь по ту сторону немецкой границы; крутобокие горы пушились набухшими почками; одуванчики зацветали; и оснежались долины цветущими вишнями; переговаривались желто-серые ландшафтурмисты; и поглядывали на нас, держа ружья под мышками; по Германии бежал поездок; и тихая вилла глядела с холма...» [Белый 1916, с. 2].

А так с художественной точностью чувствовала окружающий мир в военный период З.Н. Гиппиус:

«Надо сказать, что война, — фронтовая, окопная жизнь, — изменила многих из нас в том еще смысле, что упростила наши отношения с людьми, особенно условно светские. Я, например: был, что называется, «блестящим» молодым человеком, привык к «обществу», да еще карьеру дипломатическую начинал; кажется, вымуштрован. И все это с меня через год окопов слетело. Я не то, что огрубел, — опрямел и опростел: условности отошли куда-то: всегда теперь что-то важнее их шевелилось в душе и мысли» [Гиппиус 1916, с. 2].

Военным корреспондентом был и А.Н. Толстой, выразивший свои мысли и отношение к происходящим событиям войны, к примеру, следующим образом:

«Восемь часов беды в потрясающей своими размерами, грязью и громыханием брички, сверху упорный, мелкий, холодный дождь, внизу ухабистая слякоть вместо дороги, вокруг мокрая пустыня поля, позади повсюду в лесах, по жнивьям, на буграх и вдоль дороги окопы,

былые жестянки от консервов, тряпки, обрывки платьев, расстрелянные снаряды, разбитые, опрокинутые повозки бежавших австрийцев, близ сожженных, разгромленных неприятелем сел, где на месте хаты торчат тощие обгоревшие трубы, женщины и дети, протягивающие руки за милостыней, а впереди – целая ночь ожидания поезда на маленькой станции – не весело...» [Толстой 1914, с. 2].

Образностью и яркостью отличаются и публикации В.Я. Брюсова, созданные в период Первой мировой войны. Поэт выступал военным корреспондентом газет «Новая жизнь» и «Русская мысль».

«Великая война» наших дней захватила не только европейские государства, но и значительную часть вне-европейских стран. При той тесной связи, которая установилась теперь между всеми народами и землями мира, это совершенно естественно. Во-первых, все государства земного шара сплетены сетью разнообразнейших взаимных отношений (прежде всего торговых); во-вторых, у воюющих европейских держав на других материках и океанах есть колониальные владения, значение которых для их метрополий существенно и теперь, а в будущем должно стать огромным» [Брюсов 1914, с. 36].

Стоит добавить, что безусловно, о войне писали не только они. А, к примеру, близкий друг поэта С.А. Есенина С.М. Городецкий: Достаточно вспомнить его стихи из книги «Четырнадцатый год»:

«Начало века запоздало:

Пришло в четырнадцатый год.

Какое дивное начало!

Какой торжественный восход!» [Городецкий 1984, с. 75]

А вот как характеризовал военное время постоянный военный обозреватель «Биржевых ведомостей» К.М. Соломонов:

«Задача всякой войны. Ещё не так давно говорили, что задача войны заключается в том, чтобы победить противника с наименьшими для себя усилиями, потерями и расходами, т.е. достигнуть успеха с наименьшими жертвами. Нынешняя стратегия выражается решительнее: она говорит, что задача войны, победить противника во что бы то ни стало» [Соломонов (Шумский) 1915, с. 146].

1.2 Г.Д. Гребенщиков – корреспондент газеты «Русские ведомости»

Газета «Русские ведомости» за свою более чем 50-летнюю историю смогла заслужить репутацию издания, *«по серьёзности тона своих статей и по обилию даваемого литературного материала»* стоящего *«на уровне лучших ежемесячных журналов»* [Гранат 1986, с. 253]. Газета была основана в 1863 году в Москве и выходила сначала три раза в неделю, а с 1869 года – ежедневно. Издателями и редакторами её в разное время были: Н.Ф. Павлов, Н.С. Скворцов, В.М. Соболевский, А.С. Посников, А.А. Чупров, А.А. Мануйлов и П.П. Егоров.

Как отмечает исследователь А. Дементьев, в течение первых лет издаваемые Н.Ф. Павловым «Русские ведомости» поддерживают правительственный политический курс. Газета призывала бороться с равнодушием к религиозным вопросам и требовала уважения к институту собственности [Дементьев 1959, с. 444-446].

С переходом издания в руки Н.С. Скворцова газета становится органом либеральных слоев интеллигенции, осуждавшей крайности самодержавного режима. С «Русскими ведомостями» стали сотрудничать либеральные профессора Московского университета, например, А.С. Посников, печатались демократические беллетристы

Воронов, Левитов, Успенский, Короленко, систематизирует А. Бережной [Бережной 1975, с. 224].

В 1882 году редактором газеты становится В.М. Соболевский, не изменивший направление газеты. При нем здесь сотрудничали Г.И. Успенский, Н.Н. Златовратский, А.П. Чехов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.М. Станюкович, А.И. Эртель, А.Н. Плещеев, Н.К. Михайловский и некоторые другие демократические писатели и публицисты, в том числе П.Л. Лавров. Вернувшись из ссылки, Н.Г. Чернышевский считал возможным опубликовать в «Русских ведомостях» в 1885 году одну из своих статей. На страницах газеты выступали крупные русские ученые – Л.И. Мечников, Д.Н. Анучин, а позднее, в 1900-е годы – К.А. Тимирязев. В 1880-е годы для укрепления отдела информации был приглашен В.А. Гиляровский, уточняет историк журналистики Б. Есин. Кроме того, в газете принимали участие философ В.С. Соловьев, профессор Н.И. Кареев, публицисты П.Б. Струве, Б.Н. Чичерин [Есин 1970, с. 200]

«Русские ведомости» всегда подчеркивали свою беспартийность и очень гордились тем, что печатают литераторов различных направлений [Дементьев 1959, с. 491].

В 1910-х годах в газету пришло новое поколение русских писателей: А.Н. Толстой, А. Белый, В.Я. Брюсов, Ф.Д. Крюков, И.С. Шмелев, А.С. Серафимович, М.А. Осоргин, продолжал сотрудничество и В.Г. Короленко. Независимость позиции газеты, ее последовательное отстаивание демократических идеалов привлекало лучших литераторов и публицистов страны. Так, А.С. Серафимович, вспоминая уже в советское время период своего репортерства в «Русских ведомостях», писал: *«Лучших изданий в буржуазно-царской России не было...Профессиональному писателю волей-неволей, приходилось*

посылать свои произведения в «Русские ведомости» [Серафимович 1948, с. 338].

В этот период «Русские ведомости» выходили на 4-12 полосах, и степень информационной насыщенности номеров была очень высока. Преобладали информационные и информационно-аналитические жанры. Поэтому, редакция уделяла большое внимание формированию литературного отдела – фельетона, размещавшегося, как правило, в «подвале» 3-4 и 7-8 полос, где помещались литературные произведения и характерная для газеты «писательская публицистика» или фельетоны – статьи легкого содержания.

В период Первой мировой войны в этот разряд попали серии корреспонденций и очерков собственных корреспондентов газеты на фронте, систематизировал А. Бочкарев [Бочкарев 1994, с. 21]. Для иллюстрации - выдержки из «Указателя статей, помещенных в «Русских ведомостях» за 1916 г.» отдела «Фельетон», напечатанном в экстренном приложении к №27 «Русских ведомостей» за 3 февраля 1917 года:

Гребенщиков Г.Д. Первый день – 51, Смолокуры – 54, Странички военного быта – 63, 75, 140, 146, 252, 265, Братская могила – 107, Погулянка и Червонка – 213, На Карпатских горах – 249, В ползучем ельнике – 298.

Деренталь А.А. Парижские очерки – 35, 44, По ту сторону Пиренеев – 52, 95.

Крюков Ф.Д. У боевой линии – 28, 37, 46, В сфере военной обыденности – 115, 117, 126, 129, 139, 145, 152, 157, Мамет-оглы – 259, Ползком – 298.

Осоргин М.А. Путевые заметки – 115, 125, 132, 136, 142, Дым отечества – 195, По родине – 222, 226, 235, 245, 248.

Как видно из приведенного фрагмента, в этом же отделе печатались рассказы, «этюды» и очерки из серии «Странички военного быта» Г.Д. Гребенщикова. В них, наряду с описанием сцен прифронтовой жизни и военного быта, Гребенщиков рассказывал о Сибири, все еще являвшейся «экзотической страной» для русского читателя.

Авторитет писателя и публициста Георгия Гребенщикова в газете «Русские ведомости» был достаточно высок. Очерки его нередко появлялись в одной подборке с литературными произведениями А.Н. Толстого, В.Я. Брюсова, В.Г. Короленко, а первый рассказ, напечатанный газетой в 1916 году, - «Смолокуры» [Гребенщиков 1916] Г.Д. Гребенщикова (1916, №54) [Якушев 1926].

Причины участия Г.Д. Гребенщикова в «Русских ведомостях» - вопрос, ранее мало затрагиваемый исследователями творчества писателя. Удостоверение сотрудника газеты, выданное Гребенщикову 1 марта 1916 года, как специальному корреспонденту «Русских ведомостей», хранится в ГМИЛИКА в личном фонде писателя. Исследователям известно также письмо Георгия Дмитриевича от 5 февраля 1916 года, адресованное Е.А. Ляцкому: *«Теперь еду на войну как старший санинструктор при одном сибирском отряде и как корреспондент «Русских ведомостей»* [Яновский 1984, с. 178]. И уже 23 февраля в газете была помещена его первая статья – «Минуты молчания» [Гребенщиков 1916, с. 8].

Предложение о сотрудничестве последовало, очевидно, в конце 1915 – начале 1916 годов в один из приездов Г.Д. Гребенщикова в

Москву. К этому времени писатель из Сибири был уже достаточно хорошо известен в столичных литературных кругах.

Его рассказы, повести в 1910-х годах печатают лучшие русские издания: «Современник» («Волчья жизнь», «В полях»), «Ежемесячный журнал» («Змей-Горыныч», «Лесные короли», «На Иртыше», «Степные вороны», «Летопись», «Любава»). В 1913 году в Петербурге в «Издательском товариществе писателей» появляется первый том рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири» [Гребенщиков 1913]. В 1915 году за ним последовал второй. В 1914 году там же, в Петербурге, вышел «Алтайский альманах» с историко-этнографическим очерком писателя «Алтайская Русь». Как редактор «Жизни Алтая» писатель стал создателем этого альманаха, впервые изданного в столице. В 1916-1917 гг. в издательстве «Огни» выходят его же сборники: «Змей-Горыныч» и «Степь да небо». Каждое из названий, как правило, встречало живой отклик у читателей и в прессе [Трушкин 1972, с.287-288]. Об этом свидетельствует и большое количество рецензий, на сборник «В просторах Сибири», помещенных в центральных изданиях – «Современнике», «Вестнике Европы» и др.

Хвалебный отзыв о творчестве Г.Д. Гребенщикова был помещен и на страницах «Русских ведомостей». Ее рецензент А.Б. Дерман писал, что книга «В просторах Сибири» выделяется самым выгодным образом *«из множества книжек, вышедших из под пера молодых писателей. Какой свежестью, каким чудесным и искренним лиризмом, - писал он, - веет от лучших страниц его книжки! Киргизские степи, тайга, охота, первобытная элементарная жизнь кочевников, лесные звери – все это изображено с увлекательностью, простотою и тонкостью, от которых нас успели отучить современные жрецы»* [Гребенщиков 1913, с. 53].

Так, газета была заинтересована в привлечении к сотрудничеству уже достаточно известного писателя из далекой провинции – Сибири, сумевшего громко заявить о себе со страниц центральных изданий.

Во многом совпадала и позиция газеты с теми оценками, которые давал Г.Д. Гребенщиков наиболее значительным событиям современности. В первую очередь, это касается отношения к войне 1914-1918 гг. Нередко в публикациях Гребенщикова война предстает как «всемирное бедствие».

На раннем этапе сотрудничества с «Русскими ведомостями» характер его публицистических выступлений в этом отношении не меняется. Так, в одном из первых военных очерков он писал, отвечая самому себе на заданный вопрос: *«Есть ли на войне хоть маленькая доля поэзии? Нет, в ней все грубо, оскорбительно, цинично»* [Гребенщиков 1916, с. 7].

И все-таки советские исследователи были склонны считать «Русские ведомости» шовинистским изданием. Соответствующим было и отношение к ее сотрудникам. *«Газета вела борьбу с большевиками и выдвигала лозунг «Единение, порядок, работа», высказывалась за победоносное окончание империалистической войны»* [Дементьев 1959, с. 446].

Это отношение исследователей объясняется тем, что до недавнего времени такие понятия как «шовинизм» и «патриотизм» по отношению к войне 1914-1918 гг. использовались как синонимы. В одной из статей, помещенной в 1916 году в сибирском журнале «Багульник», «прогрессивном», по мнению исследователей, публицист смело заявлял: *«Патриотизм как чувство есть дурное и вредное, как учение есть же, есть учение глупое»*. [Ватин 1916, с. 6-7]. В. Ватин, ссыльный социал-демократ, кроме того, негативно относился не только

к общероссийскому патриотизму, но и к идеям сибирского областничества, о чем свидетельствуют публикации в журнале «Сибирский архив» 1915 г. В одном из своих публичных выступлений он назвал областничество *«идеологическим пережитком прошлого»* [Ватин 1916, с. 10].

Позиция большевиков в годы войны известна – ими была сыграна немаловажная роль в разложении армии, разжигании упаднических настроений в среде солдат. Противоположной точки зрения придерживалась газета «Русские ведомости». *«Нужно эту войну, - писал один из корреспондентов, А.Н. Толстой, - довести до конца, потому что тень уходящего злого века еще покрывает больше половины земли. И если мы не сумеем остановить эту, теперь для нас варварскую силу, мы погибем совсем, навсегда. Мы перестанем быть русскими людьми, мы превратимся в удобрение»* [Толстой 1917, с. 6]. Эти слова выражают позицию значительной части русской интеллигенции, полагавшей, что только победа может дать возможность России достойно выйти из затянувшейся бойни. Положительная же сторона войны заключалась для нее в том, что в ходе ее нация сплотилась вокруг армии, политические раздоры временно были оставлены. Напомню еще раз лозунг «Единение, порядок, работа». Тот же А.Н. Толстой писал: *«В один день мы стали крепким, решительным, чистым народом»* [Гуренков 1957, с. 179].

Поэтому в публикациях «Русских ведомостей» военной поры на передний план выходит идея *«глубокого осознания долга перед родиной»* [Гуренков 1957, с. 180].

С той же позиции, что и редакция «Русских ведомостей» подходит к проблеме войны Г.Д. Гребенщиков. Не случайно солдаты в его представлении – *«защитники многострадальной Родины»*

[Гребенщиков 1917, с. 7], а сам писатель культивирует идею *«честного действительного служения армии»* [ГМИЛИКА 1917, с. 5].

Как известно, в 1916 г. он добровольно уходит на фронт санитаром одного из сибирских отрядов. Видимо, в этом немаловажную роль сыграли убеждения Гребенщикова, сформировавшиеся под влиянием идей Л.Н. Толстого. В первой своей книге он писал: *«Мужик – ядро государства, это наш столп общества, главный трудовой двигатель его»* [Гребенщиков 1906, с. 15]. Поэтому, несмотря на свое отрицательное отношение к войне, Гребенщиков считал своим долгом разделить судьбу тысяч сибиряков, отправлявшихся на фронт. Он относится к своей деятельности санитаря, а затем начальника одного из сибирских отрядов с большой ответственностью. Потому резкое неприятие у него вызывают *«изменники, предатели и трусы»*, которые *«увлекли за собой лучших солдат»* [Гребенщиков 1917, с. 4].

В характерном для «Русских ведомостей» ключе звучат слова публициста в очерке «Под воронье карканье»: *«Неужели могут сами же российские граждане свалить и погубить мое великое отечество?! Кто может уничтожить нас самих и похитить наши духовные ценности?»* [Гребенщиков 1917, с. 5]. Это давало повод исследователям критиковать Гребенщикова за непоследовательность взглядов. Так, В.П. Трушкин подчеркивал, что Г.Д. Гребенщиков одновременно сотрудничал с антивоенной горьковской «Летописью» и с «шовинистскими» «Русскими ведомостями» [Самосудов 1989, с. 170].

По этому же поводу иронизировал и уже упоминавшийся ранее журнал «Багульник», указывавший на то, что некогда активные областники начинают высказываться в поддержку российского патриотизма, *«мало-помалу обретают и иных «отцов», которым и*

потрафляют» [Багульник 1916, с. 10]. Это противоречие, не углубляясь в детали, видится мне следующим образом.

Стоит заметить, что Г.Д. Гребенщиков разделял взгляды сибирских областников, сплотившихся вокруг Г.Н. Потанина и выступавших за приобретение Сибирью самостоятельности. Однако тот же Потанин в 1916 году заявлял: *«Расчленение еще не есть распадение, - есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...Эта сила – русская литература, и тот духовный багаж, который создан творческим духом русской народности»* [Потанин 1915, с. 12]. Эти слова актуальны и сегодня.

В творчестве Гребенщикова эта же мысль прозвучит в одном из очерков военного времени: *«Я стал припоминать лишь немногие моменты, когда я отдыхал, молился, верил и мечтал о нерукотворной красоте у источников родной культуры»* [Гребенщиков 1917, с. 4]. В представлении Георгия Дмитриевича *«жестокая борьба идет не только за свои поля и за права, но и за свои песни, за своего жаворонка, за свою поэзию»* [Гребенщиков 1917, с. 7]. Схожий мотив в повести Гребенщикова «Пришельцы», относящейся к 1912 г., где переселенцы из России назывались *«пришельцами, чуждыми всему вековому экономическому и нравственно-бытовому укладу сибирских старожилов»* [Гребенщиков 1912, с. 3]. Это объясняется тем, что областники полагали, что сибирская нация формировалась на стыке русской культуры и культуры аборигенных народностей, населявших Сибирь [Ядринцев 1882, с. 36].

Таким образом, защищая Россию, Г.Д. Гребенщиков ощущает себя и представителем Сибири. Не случайно, когда повисла угроза над всей

страной, Георгий Дмитриевич заявляет: *«Я впервые с острой болью почувствовал, что я русский человек»* [Гребенщиков 1917, с. 4]

В этом отношении защита «большой родины» не противоречит служению «малой», чем и объясняется схожесть взглядов на войну московской газеты «Русские ведомости» и сибиряка по происхождению и судьбе Г.Д. Гребенщикова.

Но здесь же можно заметить и специфику положения Гребенщикова в газете: он является представителем Сибири. Это нашло отражение как в газетных выступлениях публициста, и особенно в серии очерков «Странички военного быта», так и в его общественно-политической деятельности в армии. На неизменность убеждений Г.Д. Гребенщикова в отношении Сибири указывает то особое место, что занимала его публицистика в полемике «Русских ведомостей» вокруг Земского и Городского союзов [Муратова 1963, с.218-219].

Выступления «Русских ведомостей» в поддержку союзов ставили ее в оппозицию к правительству, так как при царском режиме эти организации официального статуса не получили. Правительство крайне отрицательно относилось к деятельности союзов. Представители правительства выступали с критикой Земгора, выражая недоверие по поводу расходования денежных средств, а также утверждая, что *«под покровом армии союзы осуществляют политическую деятельность»* [Земщина 1916, с. 4]

На основании изученных сведений можно сделать вывод о том, что полемика, развернувшаяся на страницах ряда газет вокруг союзов и их главного комитета, носила не только общественный, но и конкретно-политический характер. Общее число публикаций, посвященных деятельности союзов, весьма значительно.

В публицистических выступлениях «Русских ведомостей» звучат слова о том, что *«никогда еще войско не возлагало так своих надежд на силы общества, как в эту войну»* [Осоргин 1917, с. 3].

Для того, чтобы понять причины прекращения сотрудничества Г. Гребенщикова с «Русскими ведомостями», пролить свет на эту деятельность Гребенщикова помогают документы, хранящиеся в личном архиве писателя в ГМИЛИКА. В начале главы уже приводился отрывок из письма Гребенщикова Е. Ляцкому, где он сообщает о том, что едет на фронт санитаром сибирского отряда и корреспондентом «Русских ведомостей». Этот период ознаменовался для Г. Гребенщикова динамичным продвижением по административной лестнице Согора. За два года он прошел путь от санитаря до уполномоченного армий. Заканчивает он свою «карьеру» в должности Сибирского Комиссара этих армий Сибирского Комиссариата при Украинской Державе [Ваатман 1912, с. 51-55].

Столь быстрый рост объясняется, по всей вероятности, активностью и энергией, столь свойственными натуре писателя, а также его убеждениями в необходимости собственной деятельности.

Так, в одном из своих «литературных отчетов», своеобразных мемуарах писателя, Г.Д. Гребенщиков писал: «Насколько правильны и закономерны наши действия – пусть судят наши критики, а мы, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, будем работать и бороться за порядок, дисциплину и честное, действительное служение Армии [ГМИЛИКА 1917, с. 3]. Он прилагал максимум усилий для улучшения деятельности вверенных ему подразделений.

Можно предположить, что столь активная деятельность вызвана, с одной стороны, стремлением помочь раненым, беженцам, чем и занимаются подразделения Согора («Союза городов»), а с другой

стороны, тем, что подразделения, вверенные Гребенщикову, являлись собственностью Сибири. Подтверждение этого есть как в официальных документах периода службы Гребенщикова в армии («В 1918 году, в период расформирования союзов, Г.Д. Гребенщиков назначается военным комиссаром ... Сибирского Комиссариата при Центральном правительстве Украинской Державы» [ГМИЛИКА 1918, с. 137], так и в деловой переписке этого периода, где, отвечая на один из запросов Комиссариата, отказываясь вернуть средства, вырученные от распродажи имущества Согора, Гребенщиков настаивает на том, чтобы деньги вернулись в Сибирь [ГМИЛИКА 1918, с. 138].

Убеждения писателя нашли свое отражение и в газетных публикациях, в том числе в серии очерков «Странички военного быта». В своих выступлениях большое внимание Гребенщиков уделял непосредственно *«работе, черной, требующей крепких нервов, отсутствия брезгливости, любви»* [Гребенщиков 1916, с. 5]. Он рассказывает о своей деятельности в отряде, нередко рутинной; о том, как работникам транспортов и врачебно-питательных отрядов приходится считать, сортировать, раскладывать, записывать. О тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться уполномоченным и санитарам.

Сам же публицист выражает искреннее удовлетворение тем, что благодаря стараниям организации, в которой он работает, *«вся армия своевременно вымыта в бане, снабжена бельем, накормлены голодные солдаты, беженцы и часть населения, предупреждены заразы, вовремя перевязаны раненые, эвакуированы больные»* [Гребенщиков 1917, с. 7]. Таким образом, Г.Д. Гребенщиков включался в оппозицию, которую развивала газета «Русские ведомости», поддерживая союзы. Специфика же его деятельности заключалась в том, что он являлся своеобразным «полномочным представителем» газеты в армии. К тому же, он

осознавал себя и представителем Сибири, и деятельность его в Согоре была направлена на то, чтобы своим трудом служить своей малой родине, тем солдатам, которые были призваны из сибирских сел.

Участвуя в «Русских ведомостях» и поддерживая газету по ряду принципиальных вопросов, Г.Д. Гребенщиков одновременно представлял и интересы Сибири, как ее уроженец и как активный организатор деятельности одного из подразделений Земгора. Роль его в газете была достаточно серьезна – в период принципиально важной для газеты полемики вокруг Земского и городского союзов он являлся одним из деятельных сотрудников, подтверждением чего является значительное количество разнообразного характера публикаций (очерки, статьи, корреспонденции, «этюды», рассказы), которые появились на страницах «Русских ведомостей» в 1916-1917 годах. Кроме того, на основании полученных сведений можно сделать и вывод о причине прекращения сотрудничества Г. Гребенщикова с «Русскими ведомостями». В изученном в ГМИЛИКА документе – машинописной рукописи Гребенщикова «Вместо итогов», датированной январем 1918 года, он писал *«12 января исполнилось полгода моей деятельности в качестве Уполномоченного ВСГ XI армии. Могу по чистой совести сказать, что все эти шесть месяцев были сплошным непосильным, нервным и ответственным трудом, часто граничившим с изнеможением и нередко сопряженным с опасностью для жизни»* [ГМИЛИКА 1918, с. 3]. В заявлении об отставке он указал крайнее переутомление как причину прекращения своей деятельности в Согоре. Из рукописи можно определить начало *«непосильного, нервного труда»* - июль-август 1917 года. Последняя публикация Гребенщикова в «Русских ведомостях» - очерк «Под воронье карканье», помещенный в 183 номере газеты за 11 августа. Из этого можно сделать вывод, что выбор Г.Д. Гребенщикова между

сотрудничеством с газетой и деятельностью во Всероссийском союзе городов помощи больным и раненым воинам был сделан в пользу второго.

Ко всему нужно заметить, что политические задачи войны Г.Д. Гребенщикова интересовали в очень незначительной степени. Будучи человеком принципиально беспартийным, он писал в одном из своих писем: *«В смысле политическом я по-прежнему вне всяких партий и смотрю на себя как на свидетеля великих потрясений и мечтаю все потом вложить в литературно-художественные работы»* [Яновский 1978, с. 179].

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ В ВОЕННЫХ ОЧЕРКАХ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

«Странички военного быта» - серия очерков Г.Д. Гребенщикова, создание которых связано с деятельностью писателя в Согоре, наиболее значительная часть его газетных публикаций периода сотрудничества с газетой «Русские ведомости». Они представляют собой своеобразные путевые заметки, в которых нашли отражение картины военного быта, деятельность подразделений Сибири.

Начало Первой мировой войны задержало выход книги, которую сам Гребенщиков в шутку называл «докторской диссертацией» и надеялся, «что она будет гораздо литературнее первой книжки и не менее ходко пойдет в продажу» (из письма Е.А. Ляцкому от 1 ноября 1913 года).

Из очерков Гребенщикова в «Русских ведомостях» складывается ясная картина: как поначалу деловито и успешно работали учреждения объединенного Союза городов и Земского союза для помощи правительству в организации снабжения русской армии, а после Февральской революции в Петрограде начался развал армии, и офицерам и сотрудникам Земгора пришлось всерьез опасаться за собственную жизнь. Об этом – очерк «Гроза».

В фондах Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая сохранился отчет Г.Д. Гребенщикова о полугоде работы Уполномоченным Всероссийского союза городов при XI-й армии Юго-Западного фронта, написанный в начале 1918 года. Несколько цитат из него – как историческое свидетельство участника событий.

«Могу по чистой совести сказать, что все эти шесть месяцев были сплошным непосильным, нервным и ответственным трудом, часто граничившим с изнеможением и нередко сопряженным с опасностью для жизни не от пуль и снарядов неприятеля, а от руки темных безрассудных толп, в которые превратились части армии и отдельные команды на фронте. <...> Рассматривая нашу работу прежде всего с общественной точки зрения, мы не можем в конце концов не признаться, что общественного в ней осталось очень мало, под флагом общественности мы развели канцелярскую и департаментскую рутину, а вместо общественных работников расплодили самых заурядных мелких чиновников, стоявших превыше всего за собственную шкуру, и в результате выработали довольно прочный обычай часто спрашивать: как нам заплатят – и отнюдь не интересоваться: что мы можем дать. <...> И я был бы очень счастлив, если бы мне доказали, что я ошибаюсь или клеветую, хотя на организацию, в которой сам работаю, очень больно было бы сочинять поклепы» [Гребенщиков 2013, с. 11].

Все очерки серии были написаны Г.Д. Гребенщиковым в 1916 г. и помещались в фельетонном отделе «Русских ведомостей». Выходили они нерегулярно. Первые три из них печатались с интервалом в 8-15 дней, последние три – 16-18, что дает повод предположить, что несколько готовых очерков привозились Гребенщиковым во время командировок в Москву или отправлялись по почте блоками, и уже сама редакция размещала их по своему усмотрению в течение определенного времени. Например, «Каркаралинский мещанин» относится к февралю-марту 1916 года, подтверждение чему есть в тексте, а помещен в газете этот очерк только в июне того же года. Подтверждает это предположение и тот факт, что удостоверение сотрудника газеты выдано Г.Д. Гребенщикову 1 марта 1916 года, т.е. он

в это время находился в Москве, и чуть позднее – 17 марта, 1 апреля и 9 апреля в газете появляются очерки «Прощеное воскресенье», «Охвостье», «Зазуленька». 20 лет назад было установлено в два раза меньшее число очерков, нежели сейчас. Исследователи утверждали, что их лишь 7. Однако на сегодняшний день, сделаны выводы, что очерки Гребенщикова впервые публиковались не только в «Русских ведомостях», но и в других, в том числе провинциальных изданиях. К примеру, изученная в личном фонде Г.Д. Гребенщикова в архиве ГМИЛИКА вырезка из газеты «Киевская мысль» за 11 сентября 1916 года содержит очерк «Мимоходом», который не сразу был напечатан в газете «Русские ведомости» [Гребенщиков 1916].

Сравнивая очерки серии «Странички военного быта» с публицистикой Г.Д. Гребенщикова предвоенной поры, можно предположить, что они изначально задумывались писателем как цикл очерков, а не только были собраны в цикл после его смерти. Косвенно подтверждает это предположение то, что на хранящихся в личном архиве вырезках «Страничек военного быта» имеется авторская правка, свидетельствующая о том, что писатель позднее возвращался к работе над ними. Вполне вероятно, что в его дальнейшие планы могло войти намерение опубликовать их отдельной книгой, как это уже было сделано с ранними газетными публикациями, вошедшими в его первый сборник «Отголоски сибирских окраин» 1906 года [Гребенщиков 1906, 64 с.]. Кроме того, у Гребенщикова уже был опыт написания газетного цикла очерков – «Письма к друзьям» в газете «Жизнь Алтая» [Гребенщиков 1912].

Очерки «Странички военного быта» объединены единой темой, - жизнью на фронте, перемещением отряда и описанием прифронтового быта, что роднит их как с путевыми заметками, так и с газетными зарисовками и «этюдами» сибирского периода творческой биографии

Г.Д. Гребенщикова. Гибкое сочетание документального и литературно-художественного начал делают очерки законченными оригинальными произведениями, а весь цикл дает развернутую картину прифронтового быта. От очерка к очерку Гребенщиковым последовательно разворачивается панорама жизни отряда на фронте. Разрозненные мозаичные впечатления выстраиваются в единую стройную систему цельного произведения.

В «Страничках военного быта» Г.Д. Гребенщиков фиксирует события и картины окружающего мира: *«На всяком новом места глаза бытописателя открыты широко и ловят, подмечают то, что кажется таким простым, обыденным»* [Гребенщиков 1916, с. 7]. Обращение к фронтовому быту, обозначенное в названии цикла, вызвано спецификой деятельности Г.Д. Гребенщикова на фронте, где он являлся сотрудником Согора – организации, занимавшейся, как уже было отмечено, санитарно-техническим снабжением и обеспечением армии.

Общей для большинства очерков является кольцевая композиция, построенная на варьировании трех основных временных плоскостей. Действие очерков, как правило, это конкретная географическая точка, будь то лагерь («Прощеное воскресенье», «Наши будни») или поселок («Весенний мотив»). Вводная и заключительная части воспроизводят пространственное и временное движение к фронту или с фронта.

Далее подробно рассмотрены идейно-художественные принципы и приемы, прослеживающиеся в ряде очерков цикла Г.Д. Гребенщикова «Странички военного быта».

2.1 Бинарность в военной корреспонденции Г. Гребенщикова

Бинарность - оппозиционная раздвоенность. У Ю.Лотмана: *"Если взять не телефонную книгу, а какой-либо художественный или мифологический текст, то нетрудно доказать, что в основе внутренней организации элементов текста, как правило, лежит принцип БИНАРНОЙ семантической оппозиции: мир будет делиться на богатых и бедных, своих и чужих, правоверных и еретиков, просвещенных и непросвещенных, врагов и друзей"* [Лотман 1998, с. 227].

Принцип бинарности впервые использовался в лингвистике, а затем получил распространение в семиотике, где основной бинарной оппозицией стала позиция *"означающее — означаемое"*.

В рамках бинарности отношения противоположностей, возникших в результате бинарного разделения, приобретают статус организующего центра, обеспечивающего упорядоченность и устойчивость структуры. *«Согласно классическому структурализму, все отношения между знаками сводимы к бинарным структурам — к модели, в основе которой находится наличие или отсутствие определенного признака. К. Леви-Стросс использовал бинарные отношения типа "природа — культура", "растительное — животное" "сырое вареное" и им подобные при анализе социального устройства, культурной и ментальной жизни первобытных племен»* [Грицанов 1999, с. 219].

Бинарность русской культуры, проявляется в том, что она состоит условно из двух частей. Их центры стягивают противоположные по своему смысловому содержанию культурные черты. Между этими центрами в рамках единой культуры и разворачивается постоянная «драма» ценностей и идей, сочетающая притяжение и отталкивание различных, смысловых полюсов.

Бинарность вполне способна стать как источником нестабильности, так и динамичности, вариативности и инверсионности, породить дискретность и катастрофизм развития.

Бинарность, по мнению некоторых культурологов, может являться одной из причин исключительной гибкости, адаптивности и приспособляемости. В отношении русской культуры, например, этим объясняют ее поразительную выживаемость в периоды государственно-национальных катастроф, поясняет А. Грицанов. Инверсионный характер русской культуры, т.е. ее способность быстро переходить в свою противоположность, внезапно и мгновенно меняться «от любви к ненависти», оказывает, как правило, разрушающее воздействие на сложившиеся социальные отношения [Грицанов 1999, с. 220].

Бинарность русской культуры можно обнаружить так же в различии культуры русского народа и русского человека. О характере культуры русского народа не следует судить, ориентируясь на повторяющиеся черты культуры русских людей. К примеру, если религиозность русского народа является одной из существенных черт культуры, то относительно культуры русского человека этого сказать нельзя. *«Если культура русского народа интровертна по своему характеру, то культура русского человека, напротив, экстравертна и в значительной мере раздражительна. Разумеется, эти культуры находятся в постоянном взаимодействии, но это - именно взаимодействие, а не тождество. Между этими культурами существует не только взаимовлияние, но и взаимокompенсация: недостатки одной культуры как бы компенсируются достоинствами другой. В этом плане надо заметить, что русский народ лучше русского человека, поэтому русские люди, объединяясь и ощущая свою этничность, компенсируют, например, свою волю и эгоизм, порождающие зло и затрудняющие*

добро, народной религиозностью и терпимостью и связанной с ними поиском всеобщей благодати» [Драч 2012, www].

Бинарность русской культуры - результат «пограничного» геополитического положения между Востоком и Западом. Известный русский философ и культуролог Н.А.Бердяев писал, что *«в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории - Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев 2008, с. 173].*

Другой выдающийся русский мыслитель, основоположник русского марксизма Г.В.Плеханов по-иному раскрывал столкновение Востока и Запада в русской культуре. Он отмечал, что *«в России идут два процесса, параллельных один другому, но направленных в обратные стороны»: с одной стороны, европеизация узкого высшего слоя общества, с другой - усиление «восточной деспотии» государства, «углубление азиатского способа производства», сопровождавшегося «закрепощением крестьян». Отсюда, продолжал Плеханов, берет происхождение глубокий и закономерный «разрыв между народом и более или менее просвещенным обществом» [Плеханов 1948, с. 223].* Таким образом, русский Востоко-Запад не только *«соединяет два мира»*, как оценивал Н.А.Бердяев, но и разъединяет их, разрывает, противопоставляет.

Писатель с традиционными аграрными корнями Г.Д. Гребенщиков был носителем русской бинарной ментальности, что отразилось в его журналистских и художественных текстах в полной мере в картинах описания войны. Для его наследия характерно отсутствие описания боев, атак, образа врага, целей военных действий, героического пафоса,

сведений о наступлении или отступлении, речи о бездарности или талантливости полководцев, военных победах и поражениях. Нет в ней и реально существовавших проблем как «недостаток боеприпасов и продовольствия, казнокрадство, телесные наказания солдат, грубость и произвол военного начальства». Для автора существенней другое измерение – гуманистическое. Предмет внимания Г.Гребенщикова в большей степени – люди на войне, их здоровье, условия существования, настроения.

Для российской культуры в целом свойственна бинарность и амбивалентность. Мнение о «загадочности русской души» так влияет на появление множества споров вокруг этой теории, в результате чего ни один народ не оценивается так по-разному, как русский. Это объяснимо тем, что в характере русского народа порой странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, душевность с грубостью, альтруизм с эгоизмом, самоуничтожение с гордыней, свободолюбие с деспотизмом, смиренность с бунтовщицеством. Также как и мировосприятие можно увидеть с кардинально разных сторон. К примеру, такие категории как жизнь и смерть, мир и война, праздник и будни, здесь и там (или тогда и сейчас).

Зачастую такой синтез противоположных черт выдают за особенность российской культуры. Однако, суть не в наличии противоположностей, а в отсутствии середины между ними, в способности русского народа во всем доходить до крайностей, без всяких опосредований, переходов, промежуточных звеньев или этапов.

Яркий пример бинарности, категории «жизнь и смерть», где наряду с болью, кровью, бесслезными страданиями солдат – тёплые,

чуть слышные слова к медсестре и «быстрые, тихие» слёзы – очерк «Зазуленька»:

«...Потом он снова начинал стонать и, весь в холодном поту, метался на сенной подушке, заглядывал на изуродованную, с торчащей костью, неперевязанную ногу и лепетал:

- Ой, сэстричко! Ой, больно мни!.. Больно!»

«Глаза опять открылись, и на лице чуть-чуть наметилась улыбка, скривила губы и провела две черточки к щеками от носа.

- Зазуленька...Ведь это, кажется, кукушка?... Мне вспомнился наш лес... На родине...Кукушки...И весна» [Гребенщиков 1916].

Столь же отчетливые черты этой категории прослеживаются и в очерке «Братская могила»:

«Дети иногда так долго плачут, что в конце концов забудут, о чем. Плачет такой ребенок, плачет, а потом увидит, скажем, играющего котика и не обсохшими от слез глазами засмеется.

Так вот и жизнь народа русского: еще не обсохли слезы, еще не улеглась жестокая боль, а улыбка уже пробивается, играет солнечным зайчиком в заплаканных глазах. И, наоборот, еще не разгладилось лицо от смеха, а подбородок уже дрожит от слез, в глазах уже темнеет ужас и страдание» [Гребенщиков 1916].

Или:

«В комнату впопыхах вбежала Васька и, обжигая руки, внесла и бросила на стол осколок. Язычник испуганно глядел на нее и лепетал:

- Да ты с ума сошла!.. Что за шутки, что за озорство такое! Кого-нибудь убило?..

- Никого!.. По улице я одна шла... Но главное - горячий, господа! Пощупайте, возьмите в руки! - кричала "Васька", и лицо ее пылало

счастьем, а в глазах горела ненасытная жажда жизни, такая, какая только может быть у человека, только что бывшего на краю гибели... В "братской могиле" на тот раз обедали как никогда весело и смотрели на "Ваську", как на гостью с того света...» [Гребенщиков 1916].

В очерке «В одном купе» не менее сильно выверена автором линия категории «жизнь-смерть»:

«Угасал сентябрь. Все в природе полиняло, поблекло. В тылу я не нашел отрадных впечатлений и ехал на позиции с охотой, с удовольствием, «домой». Но было что-то на душе - как тонкая, туго натянутая, грустно звенящая струна. Это оттого, должно быть, что с прекрасных киевских садов слишком густо ссыпалось на землю легкое золотое платье канувшего в вечность лета.

Это напоминало мне о многих тысячах прекрасных юных жизней, так же покорно и безропотно сыплющихся в землю, быть может, для того чтобы новая весна была еще пышнее, а лето - плодороднее...» [Гребенщиков 1916]

Данный очерк изначально несет в себе идею этих коннотаций, и к финалу становится ясен смысл такой подачи Г.Д. Гребенщикова:

«Конечно, все опять захохотали и никто не хотел ложиться спать. Полковник привык не спать в походах, спутница стеснялась, а подпоручикам было весело...

Полковник же, зевнув, спросил у спутницы:

- А вас куда Бог несет?..

Она ответила не сразу, но, отвечая, отвернулась от полковника и еле слышно процедила:

- Мужа моего убили...» [Гребенщиков 1916].

«Мир и война», наряду с «жизнью и смертью», одна из вечно актуальных категорий бинарности. Война часто изображена не только как стихия, разрушающая все живое на своем пути, но и в качестве

темы подвига человека, сражающегося на благо своей родины. А мир – близок и понятен всегда: это дом, семья, родные поля и степи. Г.Д. Гребенщиков эту линию провел в ряде очерков «Странички военного быта». Например, в публикации «Русских ведомостей» мая 1916 года «В солнечный день»:

«Ярко светит солнце. Майское, ласковое.. Маленькая кривая река лениво плетется по унылому Дисненскому краю. Так лениво, что не поймешь, к Дрисвятам она течет или от Дрисвят. Где-то верстах...от нашего расположения к ней подходит узкоколейка... Узкоколейка эта много раз перестраивалась. Теперь по ней привозят фураж и провианты и увозят в глубь России раненых и больных...»
[Гребенщиков 1916]

Очерк «В солнечный день», это репортаж с передовой. Погожий день, солдаты ведут ленивую неприцельную перестрелку с противником. Они свыклись с *«постоянным вжиканьем пуль и кваканьем артиллерийских снарядов»*. В окопах сидеть противно, солдаты сравнивают их с могилами. Гребенщиков передает окопные разговоры солдат о беззаветно храбром и заботливом ротном, о надоевшем ничегонеделании, об ожидании ужина, после которого *«будто бы должно стать немного веселее»* [Гребенщиков 1916].

Нередко в очерках отсутствует четко выраженная коллизия. Многие строятся на описании внешности, поступков конкретного героя. И конкретные образы людей нередко поднимаются до уровня символа, поэтому и пространство очерков то расширяется до вселенских масштабов, и перед взором читателя предстает *«сермяжная и истомленная тяжелыми годами Русь»* («Прощеное воскресение»), то сужается до пространства отрядного лагеря или даже до размеров больничной койки умирающего солдата («Зазуленька»). Поэтому

каждый из очерков серии является отражением той или иной стороны жизни прифронтовой полосы.

Параллель между праздниками и буднями – еще одно проявление бинарной зависимости в изучаемых очерках Г.Д. Гребенщикова. Эта параллель служит лейтмотивом очерка «Прощеное воскресенье»:

«На фронте праздников не знают – там непрерывные будни, полные хлопот, движений, страданий. И там, где всякую минуту работает смерть, живущим и хотящим жить и в самом деле не до праздников... А ведь сегодня – последний день Масленицы... Прощеный день!... Н-да... Москва сегодня объедается блинами... А у нас масла нет для лазарета» [Гребенщиков 1916]

Похожую концепцию можно проследить в очерке «Охвостье», в финале которого Гребенщиков рассказывает как *«превращал оборванных баб в купчих, красивых девушек – в нарядных барышень, малых ребят – в разноцветных кукол... На мужчин было мало товаров, и они видели, что мне не во что было их одевать... Но все же и они поочередно подходили, грустно пожимали плечами и жаловались потихоньку...»* [Гребенщиков 1916].

«Весенний мотив»: в этой страничке военного быта прослеживается такая концепция бинарности как «здесь и там». Автор расстроен тем, что за делами и заботами не видит жизни природы, все проходит мимо: *«Помню, на одной из остановок на Двине я видел белый куст черемухи. Потом где-то с полуразрушенного кладбища кивнула мне цветущая сирень. И еще видел: ехали с обозом мимо нас солдаты, и какой-то, должно быть большой эстет, - конюх украсил гриву своей лошади ветками цветущей яблони»* [Гребенщиков 1916, с. 7]. Гребенщиков сетует и на то, что про праздник троицы он вспомнил лишь, когда увидел солдат, несущих цветы и зеленые ветви к

полуразрушенной немцами церкви. Он тоскует в вынужденной ситуации оторванности от природы, особенно от родной, сибирской природы, где все дарит ощущение радости. А в эту весну ему суждено созерцать и ощущать лишь гнилое болото, на котором стоит их военная палатка. *«И в нем увязла и остановилась жизнь, а мимо идет весна, мимо – песни и цветы, мимо яркие звезды и небо чистое, не заплеванное чадом железных лягуш...Все – мимо!»*

«Страничка военного быта» под названием «В ползучем ельнике» - следующий очерк, в котором удалось найти черты бинарности этой же категории:

«Я оглянулся. На меня глядели огромные плешины гор; значит, я смотрел прямо на север, так как только южные склоны всегда безлесны. Влево, на западе, бурными волнами уходили за горизонт пестрые синеватые горы, вправо, далеко на восток, возвышалась двурогая, лиловая историческая высота, много раз политая русской, немецкой и австрийской кровью. За спиной, на юго-западе, совсем близко друг от друга, стояли две враждебные стены. Здесь - наши, а там - совсем другая жизнь, другой язык, другое все, - чужое, жуткое...» [Гребенщиков 1916]

Обращение к теме Сибири – основа ряда очерков. Отталкиваясь от неудовлетворительных условий окружающего (здесь), Г.Д. Гребенщиков мысленно обращается к родной природе (там):

«Я долго и упрямо думаю о тихих и раздольных полях родины, о звездном небе, в которое, бывало, по ночам долго смотрел, пока не улетал куда-то в сказочное царство на легких крыльях сна. И вот в воспоминаниях детства, родины, полей и гор нервы успокаиваются, притупляется слух, и я погружаюсь в теплую колыбель забвения...» [Гребенщиков 1916].

Поэтому, Гребенщиков постоянно мысленно возвращается туда, *«где растут кудрявые сосны, в небольших долинах лежат прозрачные озера»* [Гребенщиков, 1917], но и где *«полны избы вздохов, печальных воспоминаний, забот и горя все об этих вот, ограждающих отчизну от страшных бед, которые несет с собой неприятель»* [Гребенщиков 1916]. Таким образом, тема Сибири изначально несет в себе определенный идеологический акцент.

Из вышеизложенного можно сделать вывод: бинарность – черта, которая максимально проявляется во время войны, и цикл «Странички военного быта» - достоверное этому доказательство. Рассмотренные категории бинарности в очерках Г.Д. Гребенщикова точно и четко прослеживаются.

2.2 Гребенщиков как журналист – этнограф

Само понятие «этническая журналистика» носит двойственный характер, к данному виду деятельности можно отнести, во-первых, журналистику, обращающуюся к тематике межэтнического взаимодействия, особенностям жизни и культуры других народов; во-вторых, журналистику этнических меньшинств, журналистику диаспор, представленную в средствах массовой информации, издающихся на национальных языках. Во втором значении цель журналистской деятельности состоит в консолидации этноса, включении его в систему межэтнических коммуникаций, сохранении и развитии национальной культуры.

Можно смело утверждать, что Г.Д. Гребенщиков приходит в журналистику из этнографии. Доказательством служат этнографические очерки «Река Уба и убинские люди» [Гребенщиков 1912, с. 1-80] и «Алтайская Русь» [Гребенщиков 1914, с. 3-37].

Григорий Николаевич Потанин ориентировал молодого писателя на эту начуную составляющую осмысления мира.

Название цикла указывает на то, что предметом «Страничек» является ограниченный пространственно-географически и тематически фрагмент действительности, жизнь в каком-либо аспекте, т.е. по сути своей очерк является наброском с действительности. Однако, интерес к быту – это еще и одна из характерных особенностей предвоенного творчества писателя.

Так, через деятельность на фронте раскрывается образ конкретного человека, например, в очерке «Каркаралинский мещанин», в центре которого – описание внешности, поступков героя, его характера, биографии. Гребенщикову важно еще и показать то место, которое занимает его герой в деятельности отряда, поэтому, отталкиваясь от подробностей, характеризующих внешность, бытописатель переходит к обобщениям. Рассматриваются каждые мелкие поступки героя, бытовое поднимается до уровня бытия, душевной организации героя. Или же, наоборот, в некоторых моментах, портретная зарисовка, искусно вплетенная в канву повествования, служит цели создания общей тональности очерка, органично включается в картину окружающего быта:

«Но больше всего мне запомнился солдат, едва удерживающий напуганных лошадей и ревниво оберегающий под мышкою хорошую гармонику. «Поедая глазами начальство», держа танцующих коней и ярко-цветную гармонику под мышкою, он так весело и добродушно улыбался нам, что вся деревенская широкая Масленица так и развернулась на его курносом лице» («Прощеное воскресенье»).

Проявление сибирской темы в очерках Гребенщикова многообразно: от всплывающих в памяти героя в момент затишья

красочных, исполненных лиризма картин родной природы до живописных, полных любви и сострадания портретов своих земляков, от размышлений о покинутых земледельцами сибирских деревень, до открытого призыва защитить от врага свою землю. Показателен в этом отношении особенно очерк «Весенний мотив». Воспоминания о Сибири и мирной жизни в родном крае становятся тем необходимым контрастом военного быта, который дает перспективу развития характера, вносит романтический элемент в реалистическое повествование.

Одна из отличительных черт цикла, которая является еще и одним из скрепляющих звеньев и входит обязательной составляющей практически в каждый из очерков, - ретроспективное обращение Г.Гребенщикова к теме Сибири.

Исследователями отмечено, что Г.Д. Гребенщиков вошел в историю русской литературы *«в качестве бытописателя сибирской деревни, опоэтизировавшего труд крестьянина, личности нравственно цельной и устойчивой»*. Его внимание было сосредоточено на выявлении *«психологии личности, созданной бытом и вступающей с ним в конфликт»* [Рожнова 1983, с. 217, 218].

В «Страничках военного быта» Гребенщиковым творчески исследуются новые условия, в которые попадает, отправляясь на войну, русский крестьянин. В этом родство с ранними бытовыми картинками и этнографическими очерками писателя. Вот, например, как описываются беженцы, которых обслуживает передовой отряд Г.Д. Гребенщикова:

«Беженцы безобразные, грязные и нечистоплотные. Встретился и бородатый дед. Добрый, кроткий взгляд его, мягкий старческий голос, молитвенно сложенные ладонями вместе руки, - все это делало

его похожим на угодника или на доброго старца, заветного русского батюшку, наедине беседующего с Богом где-нибудь в укромном уголке» [Гребенщиков 1916, с. 6].

Здесь заметен тот же искренний интерес к мельчайшим подробностям окружающего быта. Нередко писатель с жадностью истового коллекционера набрасывается на новые, еще неизвестные, невиданные детали одежды, внешности героев, особенность их произношения. Его очерки изобилуют диалектизмами.

Еще одно проявление Георгия Гребенщикова как журналиста-этнографа в очерке «Охвостье». Здесь можно проследить четкое отделение автором наций.

«Тут оказались и одинокие девушки, оторванные от семей, жены австрийских солдат, находящихся у нас в плену...И широкоскулые мадьяры, с низким лбом и твердой монгольской шевелюрой...Костельный служитель...»

Или:

«Если у беженцев-русин, живущих кучею...я пробыл час и в обморок не упал, то в еврейских помещениях я не мог пробыть и десяти минут – так зловонны, так отвратительны были их жилища, так ужасна, так гнила была их жизнь».

Очень часто прифронтовой пейзаж служит фоном, на котором разворачивается действие. Как правило, это конкретное событие из жизни отряда – обслуживание лагеря беженцев («Охвостье»), празднование Пасхи на фронте («Прощеное воскресенье»), остановка в украинском поселке и встреча с местечковыми детьми («Весенний мотив»). Нередко в них отсутствует четко выраженная коллизия. Многие очерки строятся на описании внешности, поступков

конкретного человека. (Например, в портретных очерках). Внешне простой сюжет, отсутствие интриги и социального конфликта, что было характерно и для ранних литературных произведений малой формы писателя, порой делают эти очерки этнографическими картинками из быта. Бытовые детали, проходя сквозь призму творческого воображения писателя, обретают целостность, философский подтекст.

Кроме того, стоит отметить, как тонко и точно подходит Гребенщиков-этнограф к языку отдельных наций.

«А чоботив не маю...Не маю рукавиц...Кожух старый...Капелюха – во! Порвана...» - («Охвостье»)

«Вин одриже ногу...Вин одриже! Сэстричко!» («Зазуленька»)

«Чичирка вносит в «братскую» семью много веселья. Он малоросс... Стоит...и добродушно тянет: Та воно-то...Як его...Треба було б завтра...» («Братская могила»)

Сибирь – отрада и утешение, источник жизнеутверждения и душевного просветления. Это другое пространственное измерение, и в отличие от смертоносной войны, она – сама жизнь.

Воспоминания о Сибири непременно связаны, в противовес фронтовому быту, с движением, в котором чувственное восприятие накладывается на пространственно-временное: *«Приедете на станцию усталый и голодный, закроете глаза, а перед вами – ковыли, марьины коренья, кукушкины слезки, огоньки... И так долго после длинного пути степная ширь с цветами, травами гонится за вами и чарует вас своей чистотой и неоглядными просторами» («Весенний мотив»).*

Обращение Гребенщикова к родной природе – еще и поиск утраченной гармонии:

«И хочется мне, страшно хочется рассказать вам о весне на моей родине!.. Я понимаю, господа, что вы вправе обвинить меня в пристрастии: уж больно часто я «навязываю» вам красоты моей родины. И все-таки я буду уверять вас: нет привольнее, ароматичнее и чище гладких степей прииртышских или бельгагачских, или барабинских, минусинских!.. Нет раздольнее рек Оби и Енисея, нет прозрачнее горных озер Колыванских, нет выше и причудливее гор Алтайских... И нет глубже и голубее сибирского неба, нет ярче звезд, задумчиво и веско вглядывающихся в глубины бирюзового Байкала... О, как люблю я мою родину, именно здесь, вдали от нея, в стране унылой и обезображенной следами войны» («Весенний мотив»).

Народ предстает в образе земляков Г.Д. Гребенщикова. Писатель первым из корреспондентов «Русских ведомостей» обращается к теме «инородцев», воюющих наравне со всеми на фронте («Каркаралинский мещанин»).

Один из исследователей творчества сибирских писателей Б.И. Жеребцов отмечал, что именно с творчеством Г.Д. Гребенщикова и его соратников по «томскому литературному кружку» в русскую литературу вошел «сибирский туземец не как «экзотический» дикарь, а как человеческое, хотя и угнетенное, обиженное бесправное существо» [Жеребцов 1928, с. 43].

Именно таким и предстает взору читателей Эмекей, «каркаралинский мещанин», выведенный Гребенщиковым в одноименном очерке. Сюжетная линия его достаточно проста. В отряд, командует которым Георгий Дмитриевич, приходит с новым взводом солдат «киргиз» (обобщенное название жителей азиатской части России, по всей видимости, Эмекей являлся казахом, жителем нынешней Карагандинской области, входившей в начале века в состав Томской губернии) Эмекей. Он не говорит по-русски. Единственный

человек, который понимает его язык – это Гребенщиков. Заметив способности, добросовестность Эмекея, он назначает его *«инструктором по лошадиной части»*, заменив нерадивого и жестокого к лошадям конюха. Образ конкретного человека поднимается до уровня символа. Чувства казаха, заброшенного далеко от родных степей, очень близки переживаниям самого Г.Д. Гребенщикова, такого же одинокого, как и Эмекей.

Г.Д. Гребенщиков традиционно подходит *«к теме малых народностей как гуманист и психолог, исследователь новых условий их жизни»* [Рожнова 1983, с. 218]. Эти слова, относящиеся к раннему творчеству писателя, в этом случае приобретают новый смысл. Здесь же стоит отметить, что тема коренных сибирских народностей – одна из основных тем и довоенного творчества Г.Д. Гребенщикова. Формирование религиозно-нравственных представлений журналиста происходило на стыке двух культур: языческого мировосприятия аборигенных народностей и русской православной (как известно, казахский язык был для писателя вторым родным языком, ведь он рос в семье обрусевшего «калмыка» - алтайского казаха), что и дало в результате их осмысленный и творчески переработанный синтез. Вот что он сам рассказывал о своем отце: *«Отец мой был потомок калмыка... С самого детства его все травили, били, называли нехристью. Когда-то прадед его будто бы был одним из алтайских ханов, а дед его был похищен вместе с табуном лошадей и маленьким был взят в рабство»* [Юровский 1990, с. 127].

Как отмечала исследователь национальной темы в творчестве писателя С.П. Рожнова, «употребление слов «брат», «товарищ», в обращении персонажей в произведениях Гребенщикова, русского и казаха, встречается очень часто, что говорит об отношении между равными» [Рожнова 1983, с. 217]. Именно так относится к «киргизу»

Г.Д. Гребенщиков, для которого «каркаралинский мещанин» представляется *«родным, значительным, сохранившим чистое, отзывчивое сердце человеком»*. Также, показательна в этом отношении сцена встречи «киргиза» и Гребенщикова:

«На минуту я выронил из памяти все происходящее, не видел ни солдат, ни обстановки, не слышал вопросов товарищей. Я видел только смуглое, скуластое, широкое лицо с блестящими глазами».

Примечательно, что сам Г.Д. Гребенщиков являлся классическим представителем «сибирской расы», на существовании которой настаивал его духовный учитель Н.М. Ядринцев («Сибирь как колония», 1882). Поэтому интерес к быту «аборигенов» Сибири, к их невзгодам и проблемам никогда не являлся для писателя осмыслением жизни иной нации, эти проблемы всегда воспринимались им очень близко [Мамраев 1990, с. 48-50].

Если реально-бытовое в очерках Г.Д. Гребенщикова является *«сферой выявления идейных, нравственных и эстетических принципов»* [Рожнова 1980, с. 70] героев и самого писателя, то пейзаж родной природы, поданный в ретроспекции (в чем заключается принципиальное отличие очерков «Странички военного быта» от всего, что было написано ранее), выявляет новые грани мировоззрения Гребенщикова. Мир из монической системы, где человек и природа являются гармоничными составляющими целого, превращается в систему более сложную, многоплановую и порой противоречивую.

Поэтому сибирская тема для Г.Д. Гребенщикова, с одной стороны, подчеркивает вселенский разлад человека и природы, а с другой – является попыткой восстановить утраченную гармонию. Можно сделать вывод, что обращение к теме Сибири в «Страничках»:

1. Создает необходимый контраст военному быту, окружающему Гребенщикова, придавая очеркам цельность и обеспечивая единство цикла.
2. Раскрывает мировоззрение Гребенщикова, как сибирского патриота, сохранившего верность своей малой родине.
3. Выявляет новые грани мировоззрения Гребенщикова, сложившегося в период Первой мировой войны.

2.3 Стихийное начало войны в очерках писателя

Оригинальность осмысления и представления войны ее участником-очевидцем Г.Д. Гребенщиковым в определении ее сущности. Для него война – не результат экономических и геополитических противоречий, разрешение которых требует человеческих жертв. Для него война – и не болезнь общества, явление подобное болезни для человеческого организма.

В представлении писателя это страшный молох, пожирающий тысячные толпы людей. *«А на смену их, такую же рекой, вливаются оттуда, из глубин России, новые оторванные от полей и нив»* («Весенний мотив») Поэтому в очерках нередки даже апокалипсические мотивы:

«Миллионы людей превращаются войной в плевелы, и одних бросает стихийной бурей за тысячи верст от родины, другие сгорают на ея огне, а третьи, как охвостья, - мелкие остатки зерен в мякине, - упорно держатся на кромках страшного гумна» («Охвостье»)

В «Страничках военного быта» раскрывается подвиг людей, прошедших горнило смерти и сохранивших «чистое отзывчивое сердце» («Каркаралинский мещанин»), способность к работе «черной, требующей крепких нервов, отсутствия брезгливости, любви»

(«Прощеное воскресенье»), так как именно через сопротивление враждебной по отношению к человеку орле, где война неотъемлема от быта, проверяется стойкость характера вчерашнего крестьянина, «*формировавшегося в единоборстве с иной стихией – природой*» [Рожнова 1983, с. 220].

Война видится и ощущается автором как какое-то грозное, механическое, мерзкое чудовище. Борьба с этой стихией трудна, утомительна и скучна. В «Весеннем мотиве» он сетует: *«А нам не до поэзии, не до цветов, и не до песен. Каждый день проходит через нас не так уж много раненых. Но все же серой вереницей тянутся и тянутся с позиций, как непрерывная и мутная река...»* Солдат «*смотрит перед собой на осыпающуюся глину с песком и, затягиваясь махоркой, уже в сотый раз сравнивает мысленно: «Могила и могила»...И свет солнышка кажется ему скучным и постылым*», ещё автор здесь же передаёт услышанную фразу *«А то уж больно нудно день идет... Наступление уже скорее, что ли бы!.. К одному бы концу-краю»*.

Война, как о ней рассказывает Г.Д. Гребенщиков корежит, опустошает и обезображивает природу. Война «ломает судьбы людей, вырывает их из привычной обстановки, меняет их социальные статусы и роли, род занятий».

В гуманистическом измерении смерть на войне напрасна и несправедлива: *«Как страшно, как обидно умирать молодому, когда есть белые и голубые тихие и бурные, прекрасные озера с прозрачной водой и отраженным небом... Когда в природе так много прекрасного, незабываемого, близкого»* [Семилет 2018, www].

Война в его фронтовых очерках обретает черты мифического существа, чудовища, «с железными шагами, огненными плевками,

выпускающего смертоносных никелевых мух и железных лягушек». [Семилет 2018, www].

Отношение писателя к природе, окружающей его на фронте, и традиционно для творчества Г.Д. Гребенщикова являющейся фоном, на котором происходит действие, меняется. Здесь она уже не контрастирует с положением героев, как в произведениях, к примеру, сибирского периода, а совпадает.

Во всем Гребенщиков видит следы войны: поля, на которых *«стоит высокая густая рожь»*, переплетены *«колючей проволокой, изрыты окопами»* («Весенний мотив»), на заброшенном поле валяется *«плохонькая соха, до сих пор не прибранная и ждущая своего оратая»* («Охвостье»).

Картины природы подчеркивают ощущение опустошенности, покинутости, которые нередко сопутствуют автору и чувствуют его:

«Угасал сентябрь. Все в природе полиняло, поблекло. В тылу я не нашел отрадных впечатлений и ехал на позиции с охотой, с удовольствием, «домой». Но было что-то на душе, как тонкая, туго натянутая, грустно звенящая струна. Это от того, должно быть, что с прекрасных садов слишком густо осыпалось на землю легкое золотое платье канувшего в вечность лета. Это напомнило мне о многих тысячах прекрасных юных жизней, также покорно и безропотно сыплющихся в землю, быть может для того, чтобы новая весна была еще пышнее, а лето плодороднее» («В одном купе»).

Здесь можно проследить ту же, характерную для довоенного творчества Гребенщикова связь между человеком и средой. Она наталкивает на размышления, является источником душевных переживаний героя.

Реалии военного быта: оставленные селения, грязь и нищета беженцев, мучения раненых, - все это определяет пафос очерков, нередко трагический. Во многих из них Гребенщиков рассказывает о том, как ему приходилось сталкиваться со смертью людей («Прощеное воскресенье», «Зазуленька», «Весенний мотив», «В одном купе») и везде трагическую развязку предваряет описание быта, несущего отпечаток войны и описание настроений автора, которые этот быт вызывает. Еще одна характерная для мировоззрения Г.Д. Гребенщикова, выросшего в Сибири «крестьянского сына», особенность. В ряде очерков отчетливо выделяется характерное для сельского жителя ощущение времени как смены природных фаз. Для писателя не существует «просто весны» или «просто лета». Везде в тексте разбросаны «подсказки», помогающие определить время написания очерка: *«распускаются листья»* («Весенний мотив»), *«начинают попевать груши»*, *«вызревает рожь»* («В одном купе»).

Самого себя писатель чувствует зерном, занесенным на чужую почву («Охвостье»). И даже картина смерти ассоциируется у Гребенщикова с процессом посева-жатвы урожая. И тем трагичнее чувствует писатель разрыв с природой, который неминуем на фронте. Отчетливый пример тому – состояние утраченной гармонии с природой, переживаемое Георгием Дмитриевичем в момент наступления на фронте весны, которого он не замечает:

«В Троицын день я невольно спохватился, что весна уже кончается. Истекает месяц май, а я еще не видел ни цветов, ни ярких красок пестрой, празднующей «Красную горку» Руси, не слышал песен. Совсем не заметил, когда наступила и как прошла весна... И самый Троицын день я заметил только потому, что мимо нашего лагеря солдаты целым взводом пронесли зеленые березки для украшения маленькой израненной церковки» («Весенний мотив»).

Поэтому так много внимания уделяется Гребенщиковым тем крупным мирного быта, которые он находит в окружающем мире. Это, к примеру, просто мирная песня, звучащая *«под аккомпанемент громыхающих вдали выстрелов»* («Каркаралинский мещанин»), то есть всему тому, что напоминает *«уютный безопасный уголок»* - родину («В одном купе»).

И все-таки центральное место в очерках занимают сами будни «прифронтовой полосы». Свое отражение в них находит работа, которую ведут врачебно-питательные отряды Согора.

Описание конкретного события, факта, связанного с этой деятельностью, как правило, и становится сюжетной основой очерка цикла. Это можно наблюдать, например, в очерке «Охвостье»:

«В наш передовой отряд из комитета передовых Великой Княжны Татьяны Николаевны прислано было свыше сорока тюков разного верхнего и нижнего платья для раздачи беженцам». И работа отряда заключается в том, чтобы *«считать, сортировать, раскладывать, записывать – работа скучная и пыльная, неприятная».*

Итак, у Г.Д. Гребенщикова в анализируемых очерках война предстает как стихийное бедствие, постигшее мирное, гармоничное существование природы и людей, обретающее черты мифического существа, сопровождаемого гарью, гнилью, чадом, разрушениями и сеющего смерть, болезни, увечья.

Война накладывает свой отпечаток на быт, и в очерках Гребенщикова война предстает во всем своем кровавом обличи.

2.4 Звуковые картины в изображении Г. Гребенщикова

Порой звуковая основа, созданная писателем, играет весомую роль в изображении художественного образа произведения в целом. Гораздо чаще символика звуковых образов используется в смысловой сфере стихотворений. Но Георгию Дмитриевичу удалось мастерски отразить эту символику в прозе – своих военных очерках. Мир звуков приближает к живой жизни и людям, постепенно сливаясь с ними в единое целое.

Звукопись используется Гребенщиковым для создания ярких художественных образов, и особенно это проявляется в изображении картин военных событий. Но, что стоит заметить – не только битв и боины, но и военного быта солдат и мирных жителей. Так, звуковое восприятие влияет на создание многих образов, дополняет картину очерка, делая его более живым, создающим ощущение нахождения «здесь и сейчас». Каким же образом в очерках Г.Д. Гребенщикова отображены звуковые образы?

Одни моменты связаны с романтическим мировоззрением писателя, к тому же звуковые картины придают прозаической речи особую наглядность, художественность и изобразительность, способствуя образной и более яркой передаче настроений и чувств как самого автора, так и героев очерков.

Война для писателя – «болото, в котором увязла и остановилась жизнь» («Весенний мотив»). Не случайно Гребенщикову в этом очерке постоянно слышатся две ноты: *«Одна – ехидная, рычащая и грозная, встряхивающая землю под нашей палаткой и посылающая смерть. Другая – непрерывно-брюзгливая, мягкая, гнилая, это лягушачий концерт на болотах».*

И совсем иначе вспоминается мирная жизнь, где *«песни и цветы, яркие звезды и небо чистое, не заплеванное чадом железных лягушек»* (Там же).

Можно предположить, что звуковые образы – это своеобразные зашифровки обыденных житейских ситуаций.

В системе звуковых образов одну из главных функций выполняет звук голоса человека, оттенки человеческого голоса: стон, шепот, крик, плач, пение, лепет, болтовня, бред, смех, бормотанье. Такие основы есть и в очерках Г.Д. Гребенщикова.

Гребенщиков создает целые звуковые картины, порой контрастные в своей сущности, необходимые и для выражения душевного настроения героев, и для пейзажных зарисовок, и для характеристики времени. Например, в очерке «Весенний мотив», яркий звук – лягушиный концерт, и антипод-противопоставление ему – рычащая смерть.

Кроме того, в творчестве Г.Д. Гребенщикова есть моменты, где те или иные созвучия, которые имеют отношение и связаны с главными образами в стихотворениях, наполнены даже психологической основой.

Исследуя «поэтику прозы» Гребенщикова в изображении войны, на ум приходят такие звуки, как скрип, лягз, визг, с темой *антимузыкальности* мира зла, страшного мира. Стиливая многозначность символики таких звуков многогранна. Они нужны писателю именно для создания реальных житейских картин, например.

Одну из особенностей некоторых очерков Гребенщикова составляет резкая контрастность, идущая от жизни. С точки зрения художественных приемов она соотносится с музыкальным диссонансом. В одном из очерков обнаруживается сочетание слов

«звон, свист, крик». Это может выступить в подтверждение того факта, что визг в музыке перенесен на прозаическое творчество, и писатель начинает осмысливать звуковые картины как признак *антимузыкальности* жизни.

Зачастую зашифровка обыденных житейских ситуаций придает художественным картинам очерков приподнятость, необычность, оторванность от повседневности, в которых осуществляется их индивидуализм. Слова, углубляющие звуковой образ, порой звучат сами по себе, ведь они бывают даны на звуковом фоне в качестве продолжения «звукового аккорда». Звук как бы дополняет образ и, параллельно дополняется образом, что создает своеобразную музыкальную атмосферу [Учебные материалы 2011, www].

Конечно, нельзя сказать, что Г.Д. Гребенщиков «жил в мире звуков», как это делали многие поэты, но писатель определенно умел воспринимать через них жизнь и людей и ими выражал свое отношение к действительности, к людям, и даже свое личное «я». В раскрытии авторского мироощущения и отношения к объекту однажды роль играет и использование символики тишины, иногда контрастное столкновение ее со звуком. Тишину нельзя назвать ведущим или доминирующим звуком в прозе Гребенщикова на протяжении всей линии очерков цикла «Странички военного быта».

Звук порождает как в герое, так и в читателе, предчувствие неизбежного, рокового. Звон колокола выполняет в стихотворениях Блока очень разнообразные художественные функции. Ощущение того, что рождается что-то новое, чистое, усиливают образы колокольного звона, весны. Обычно звук колокола предшествует началу действия, но здесь он создает тревожный звуковой фон, в который вкрапляются и другие звуки.

Конечно, динамика звуковых образов прозы не равнозначна одноименному музыкальному понятию, поясняет А. Шульдишова. Но все же они родственны, и на этом родстве, главным образом, и основано существование вокальной музыки, являющейся в подавляющем большинстве случаев, ни чем иным, как поющим стихом [Шульдишова 2004, www].

Яркий пример музыкальности в военных очерках Гребенщикова – Эмекей в «Каркаралинском мещанине»:

«Однажды вечером, после “зари”, когда уже дневальные стояли на местах, а команда собралась возле палаток, фельдфебель собрал в кружок своих товарищей, которые с ним вместе делили и радости и горе в походах и боях, и затянул высоким тенором:

Вни-из по Во-олге реке-е...

Дружно и умело подхватили его голос десятки других:

С Ни-ижня Но-овгорода-а

Снаряже-он стру-ужок,

Как стрела-а лети-ит...

Странно было слышать мирную песню под аккомпанемент гроыхавших вдали орудийных выстрелов, как будто оттуда надвигалась грозовая туча, то и дело вспыхивая молниями, разноцветными ракетами на горизонте.

Все шире, все раздольнее неслась по бору песня, вызывала образы былого и далекого... Будила смутные желания и тоску о лучшем будущем и бередила в душе умолкнувшие боли, как будто трогала за самые нежные и тугонатянутые струны...».

Удивительный эффект, как с военными действиями сочетается песня, светлая и трогательная, а самое главное, простая, с которой вместе хочется унести в далекую, с чистым воздухом и мирными людьми страну...

Важно добавить, что Г.Д. Гребенщиков использовал звукообраз - функцию звукового образа - для разных целей. Под знаком углубления смысловой сферы того или иного очерка развивалась символика звуковых образов, создаваемых автором.

Таинственный мир звуков приближает к живой жизни, постепенно образуя с ней единство. Он становится частью неделимого единого звука «звук - живая жизнь». Как замечает Б. Локшина, роль звукообраза в раскрытии художественного образа весьма существенна [Локшина 2016, www]. В образной структуре очерков, в эволюции символика звука ощущается движение от конкретного, случайного к всеохватывающему значению звуков, к стихии напора звуков и порой даже всеобщей звуковой гармонии.

Заключение

В настоящем исследовании, основываясь на сведениях, полученных в ходе архивных разысканий и работы с первоисточниками и исследованиями литературоведов, были установлены факты, раскрывающие деятельность Г.Д. Гребенщикова в газете «Русские ведомости», а также подробно изучен цикл очерков «Странички военного быта» в четырех различных аспектах.

Специфика сотрудничества Гребенщикова с «Русскими ведомостями» заключалась в том, что в период своего репортерства в газете, участвуя и поддерживая ее по ряду принципиальных вопросов, Гребенщиков одновременно представлял и интересы Сибири, как ее уроженец и как активный организатор деятельности одного из подразделений Согора. В период принципиальной для газеты полемики вокруг Земского и городского союзов он являлся одним из ее деятельных сотрудников, что нашло отражение в целом ряде публикаций этой поры.

В ходе работы были уточнены и некоторые биографические моменты: начало сотрудничества с газетой, причины приостановления этого сотрудничества.

Во второй главе исследования цикл очерков «Странички военного быта» рассмотрен с точки зрения места и роли в газетных публикациях писателя рассматриваемого периода, а так же с точки зрения использования художественных приемов.

Вывод из проведенного исследования: Г.Д. Гребенщиков и на фронте оставался патриотом своей малой родины – Сибири, что отражается в

публикациях в «Русских ведомостях» и во многом определяет характер его деятельности на фронте.

Разнообразие художественных приемов раскрывает личность Георгия Дмитриевича не только как журналиста, писателя, публициста, классика, но и как человека, истинного патриота своей малой родины.

К работе прилагается список литературы, содержащий тематическую библиографию и цитируемые источники.

Список использованной литературы

1. Белый А. У немецкой границы. Биржевые ведомости, №15527 – Петербург, 1916. – С. 2.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. – СПб, Азбука-классика, 2008. – С. 120-132
3. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. – Ленинград, 1975, - 340 с.
4. Бочкарев А.А. Г.Д. Гребенщиков – корреспондент газеты «Русские ведомости». - Барнаул, 1994, с. 20-25.
5. Брюсов В. Я. Война вне Европы. Русская мысль, №08 – Москва, 1914. – С. 21-24.
6. Ваатман Е. Г. Г. Д. Гребенщиков: О творчестве сибирского писателя / Сиб. вопросы, №26, Новосибирск, 1912. – С. 51-63.
7. Ватин В. А. Маленький национализм. Багульник, №5. - Иркутск, 1916. – С. 6-7.
8. Гиппиус З. Н. Сердце, отдохни! Биржевые ведомости, №15493. – Петербург, 1916. – С. 2.
9. Городецкий С. М. Четырнадцатый год. Современник. Москва, 1984. – С. 75.
10. Гребенщиков Г. Д. В одном купе. Русские ведомости, №252. – Москва, 1916.
11. Гребенщиков Г. Д. Первый день. Русские ведомости. – Москва, 1916. – С. 7.
12. Гребенщиков Г. Д. Погулянка и Червонка. Русские ведомости, №213. – Москва, 1916.
13. Гребенщиков Г. Д. Алтайская Русь: Ист.- этнограф. очерк / Алтайский альманах. – Санкт-Петербург, 1914. – С. 3-37.
14. Гребенщиков Г. Д. Братская могила. Русские ведомости, №107. – Москва, 1916.

- 15.Гребенщиков Г. Д. В ползучем ельнике. Русские ведомости, №298. – Москва, 1916.
- 16.Гребенщиков Г. Д. В просторах Сибири. – Санкт-Петербург. Рец.: А. Г. Гусаков. / Современник, 1913 – С. 353-355.
- 17.Гребенщиков Г. Д. В солнечный день. Русские ведомости, №105. – Москва, 1916.
- 18.Гребенщиков Г. Д. Весенний мотив. Русские ведомости, №140. – Москва, 1916.
- 19.Гребенщиков Г. Д. Зазуленька. Русские ведомости, №82. – Москва, 1916.
- 20.Гребенщиков Г. Д. Каркаралинский мещанин. Русские ведомости, №146. – Москва, 1916.
- 21.Гребенщиков Г. Д. Мимоходом / Киевская мысль, Киев, 1916.
- 22.Гребенщиков Г. Д. Наши будни. Русские ведомости, №265. – Москва, 1916.
- 23.Гребенщиков Г. Д. О чем кричали гуси. Русские ведомости. - Москва, 1917. – С. 7 .
- 24.Гребенщиков Г. Д. Отголоски сибирских окраин: Рассказы - Семипалатинск, 1906. – 64 с.
- 25.Гребенщиков Г. Д. Охвостье. Русские ведомости, №75. – Москва, 1916.
- 26.Гребенщиков Г. Д. Письма к друзьям / Жизнь Алтая, №232, №237, №246, №289, Барнаул, 1912
- 27.Гребенщиков Г. Д. Под воронье карканье. Русские ведомости, №183. – Москва, 1917.
- 28.Гребенщиков Г. Д. Пришельцы: Повесть из истории великого переселения / Барнаул, Жизнь Алтая, №57, 1912.
- 29.Гребенщиков Г. Д. Прощеное воскресенье. Русские ведомости, №63. – Москва, 1916.
- 30.Гребенщиков Г. Д. Река Уба и Убинские люди: Литературно-этногр. очерк / Алт. Сборник. – Т. 11. – Барнаул, 1912. – С. 1-80.

31. Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений в шести томах. Ч. 1, 2, 6 / Г. Д. Гребенщиков; [сост., подгот. Текста Т. Г. Черняевой]. – Барнаул, 2013.
32. Гужва Д. Г. Их оружие — острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Первой мировой войны. - Москва, 2014. - С. 40-43.
33. Гуренков А. Толстой – военный корреспондент Русских ведомостей. - Ленинград, 1957. – С. 179.
34. Жеребцов Б. И. О сибирской литературной традиции: Наблюдения и заметки / Сиб. литерат. краеведч. сборник. – Иркутск, 1928. – С. 40-46.
35. Заявление Г. Д. Гребенщикова Сибирскому Комиссариату при Украинской державе. ГМИЛИКА, фонд Г. Д. Гребенщикова, 1918. – С. 137.
36. Земщина. – Москва, 1916. – С. 4
37. История русской литературы конца XIX – начала XX века: Библиогр. указ / под ред. К. Д. Муратовой. – Москва, 1963. – С. 218-220
38. Клейнборт Л. М. Очерки народной литературы. – Сеятель, Ленинград, 1924. – С. 150-176.
39. Лотман Ю. М. Об искусстве. - Санкт-Петербург, 1998, С. 227-230.
40. Мамраев Б. Б. Казахские мотивы в творчестве Г. Д. Гребенщикова / Изв. Филол. – Алма-Ата, 1990. – С. 48-53.
41. Машинописная рукопись Г. Гребенщикова. Обзор по XI армии. Лит. отчет за июль 1917. ГМИЛИКА, фонд Г. Гребенщикова, документальные источники.
42. Машинописная рукопись Г. Д. Гребенщикова. Вместо итогов. ГМИЛИКА, фонд Г. Д. Гребенщикова, документальные источники. – С. 3.
43. Машинописная рукопись Г. Д. Гребенщикова. Обзор по XI армии: Лит. отчет. ГМИЛИКА, фонд Г. Гребенщикова, 1917. - С. 3.

44. Мельгунов В. С. О современных литературных нравах. Русские ведомости, Москва. – 1916. – С. 8.
45. На два фронта / Багульник, №3, Иркутск, 1916.
46. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Минск, 1999. – С. 219.
47. Осоргин М. А. По тихому фронту. Русские ведомости, №35. – Москва, 1917. – С. 3-20
48. Письмо Г.Д. Гребенщикова Сиб.Ком при Украинской державе. ГМИЛИКА, фонд Г.Д. Гребенщикова, 1918. – С. 1.
49. Потанин Г. Н. Сибирская жизнь. - Томск, 1915. - №1-2.
50. Рожнова С. П. Идеино-художественные принципы воплощения национальной темы в творчестве Г.Д. Гребенщикова // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1983. – С. 217-230.
51. Рожнова С. П. Крестьянский рассказ в дореволюционном творчестве Г. Д. Гребенщикова / Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 64-88.
52. Русская периодическая печать / под ред. А.Г. Дементьева. – Москва, 1959. – С. 446
53. Серафимович А. С. Собрание сочинений. – Москва, ГИХЛ, 1948. – С. 338.
54. Соломонов (Шумский) К. М. Очерки мировой войны на суше и на море: Обзор воен. действий на гл. театрах. – Петроград, 1915. – С. 146.
55. Толстой А. Н. На полях минувших битв. Киевская мысль, №251. – Киев, 1914. – С. 2.
56. Толстой А.Н. Русские ведомости, №58. - Москва, 1917. – С. 6.
57. Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. - Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. Изд., 1967. – 312 с.

58. Трушкин В. П. Проза Георгия Гребенщикова / Трушкин В. П. Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири: 1900-1917. – Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. Изд., 1972. – С. 235-279.
59. Трушкин В. П. Пути и судьбы. Рец.: Яновский Н. Н. Литературная жизнь Сибири / Сиб. огни, №3, Новосибирск, 1974. – С. 168-172.
60. Энциклопедический словарь братьев Гранат, Ч. 31 / под ред. А. Н. Гранат. – Москва, 1986. – С. 585
61. Юровский И. Ф. Г. Гребенщиков. Гонец: книга, составленная из писем писателя / Публ. подгот. Юровский И. Ф. – Барнаул, 1990. – С. 104-127
62. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – Новосибирск, 1882. – С. 36-90.
63. Якушев И. Г. Д. Гребенщиков: По поводу 20-летия лит. деятельности / Славянская книга, 1926.
64. Яновский Н. Н. Георгий Гребенщиков в Сибири. / Яновский Н. Н. Верность. – Новосибирск, 1984. – С. 131-181.
65. Яновский Н. Н. Гребенщиков. Егоркина жизнь: Главы из повести / Публ. и послесл. Н. Н. Яновского / Сиб. огни, №12, Новосибирск, 1984. – С. 72-100.
66. Яновский Н. Н. На переломе: Из лит. прошлого Барнаула: Статьи. – Барнаул, 1978. – С. 32-98.
- Эмпирическая база
67. Драч Е. Культурология [Электронный ресурс]: Санкт-Петербург, 2012
68. Иолве Н. Глаза и уши нации [Электронный ресурс]: 2015. Режим доступа: <https://warspot.ru/2927-glaza-i-ushi-natsii>
69. Локшина Б. С. Звукоподражание как средство создания образа [Электронный ресурс]: 2016. Режим доступа: <http://docplayer.ru/27562072-Zvukopodrazhanie-kak-sredstvo-sozdaniya-obraza-23.html>

70. Семилет Т. А. Философия войны в корреспонденциях Г. Гребенщикова в газете «Жизнь Алтая» [Электронный ресурс]: 2018
71. Сенявская Е. Противники России в войнах XX века. ПрофиЛиб [Электронный ресурс]: 2011
72. Учебные материалы. Создание звукового образа посредством использования гласных звуков [Электронный ресурс]: 2011. Режим доступа:
https://studwood.ru/548434/literatura/sozdanie_zvukovogo_obraza_posredstvom_ispolzovaniya_glasnyh_zvukov
73. Шульдишова А. А. К проблеме динамичности звукового образа в литературном произведении [Электронный ресурс]: 2012. Режим доступа: <https://scribble.su/magazine/voprosi10/16.html>
74. Юрлова А. В. Становление российской военной журналистики [Электронный ресурс]: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. Режим доступа:
<http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016-zhurnalistika-v-sovremennom-media/1/jurlova.pdf>